

Ростовские купцы и их «новокрещёны» в 1730–1780-е гг.

Е. И. Крестьянинова

Купцы Кекины, Симоновы, Щеткины, о которых пойдет речь в данной статье, наряду с другими представителями своего сословия устанавливали, формировали и развивали торговые связи Ростова, что способствовало появлению такого определения, как «неусыпные ростовцы». Но речь в настоящей небольшой работе пойдет не об этой достаточно исследованной стороне деятельности ростовского купечества, а о той, что до недавнего времени оставалась в тени, и которую автор берет на себя смелость назвать просветительской, миссионерской.

Около 1730 г. Г. Д. Кекин (около 1710 – около 1780¹), будучи по делам коммерции в недавнем времени основанном Оренбурге, за деньги или путем обмена на товары приобрел себе «калмычонка», имя которого в документах не сохранилось. Мальчика окрестили Иваном, а в дальнейшем он стал именоваться «Иван сын Иванов»². Его привезли в Ростов, где он стал жить в доме своего хозяина. Ивана обучили грамоте и премудростям торгового дела, и он сделался приказчиком Григория Дмитриевича, являясь, по сути, доверенным лицом своего хозяина. Тот женил своего верного помощника на Ирине Ивановой, дочери крестьянина из Спасской слободы, предположительно – состоятельного. Дочь Ивана и Ирины была выдана замуж за жителя Ростова Герасима Федоровича Куракина³. От этого брака родился Василий Герасимович, будущий приказчик Федора Алексеевича Кекина, служивший и у его сыновей Леонтия и Ивана⁴.

То есть, будучи уже свободным человеком, внук калмыка Ивана Иванова продолжал служить у правнуков своего хозяина, сохраняя верность и преданность этой купеческой фамилии.

Одним из поручений, которое выполнил по наказу Г. Д. Кекина Иван Иванов, было приобретение в 1757 году на невольничьем рынке в Новотроицкой крепости «калмычонка»⁵. В то время калмыцкие дети в боль-

¹ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РФ ГАЯО). Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4.

² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 17.

³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2888. Л. 107 об. Герасим Федорович – сын Куракина Федора Андреевича от 1-го брака.

⁴ Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А. Граждане Ростова. История ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009. С. 336.

⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4, 5, 5 об.

шинстве случаев попадали на невольничьи рынки, оказавшись в плену у киргиз-кайсаков, которые враждовали с калмыками.

В отличие от Ивана Иванова «Григорий Григорьев из калмыков новокрещен» знал и помнил свою историю. Он происходил из зюнгарских калмыков, которые кочевали близ китайской границы, и звали его Бербя. В одной из стычек с киргиз-кайсаками мальчик попал к ним в плен. Какова бы была его дальнейшая жизнь в качестве раба? Но Бербя, вымененный на товары, был привезен в Ростов, окрещен и находился во владении Г. Д. Кекина 23 года. Это стало возможно благодаря Именному указу от 18 ноября 1757 г., которым повелевалось «<...> калмыкам, по приведению в греко-российскую веру, у покупщиков быть во владении неотъемлемым, и держать с запискою в канцелярии беспрепятственно»⁶.

Г. Д. Кекин взял Бербю «за сына», а далее все повторилось, как в предыдущем случае, с калмыком Иваном. Григорий Дмитриевич своего крестника сам и российской грамоте писать и читать обучил⁷, и женил на ростовской девушке с приданым⁸. Калмык Григорий жил у своего хозяина до его смерти, «обращаясь с детьми его Кекина в торговых промыслах»⁹. То есть, калмык Григорий не был забитым слугой Кекина. Тот любил и ценил своего воспитанника. Григорий Дмитриевич даже завещал собственной дочери по смерти своей «выдать тому Григорию тысячу рублей в вознаграждение»¹⁰, — очевидно, за верность, честность и порядочность в работе по торговому делу.

В 1780 г. Г. Д. Кекин умер, и Григорий с семейством поступил в наследственное владение его сыновьям, которые отпустили всех их на свободу. Затем он записался вместе с женой, сыном и двумя дочерьми в ростовское мещанство (в 40-алтынный оклад), получил паспорт, занялся торговлей и зажил своим домом¹¹. Не будет большой смелостью предположить, что его потомки до сих пор живут в Ростове. Вопрос только в том, знают ли они о своем калмыцком происхождении.

Вообще, как явствует из документов, Г. Д. Кекин определенно благоволил калмыкам. Все в той же Троицкой крепости в августе 1758 г. Иваном Григорьевичем Кекиным был приобретен для отца еще один калмыцкий мальчик — 13-летний Карагай. При этом сделка была оформлена в том же году в Троицкой градской канцелярии: «<...> и на то <...> из оной градской канцелярии и свидетельство дано того году в августе месяце со взятием в казну пошлин»¹². Через три месяца Карагая крестили Андрианом, но не в Ростове, а в Благовещенской церкви, что в Гостином дворе Оренбурга. Восприемником

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же.

⁸ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1258. Л. 27. «...Ей Татьяне Семеновой 31 г. взята из Квасоварной слободы крестьянская дочь с поездом».

⁹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 27 об.

¹² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1270. Л. 10.

его стал ростовский купец, соколий помытчик Семен Шестаков. С того времени «он Андриан, по крестному отцу Семенов, жил в том городе Оренбурге для приучения и торговом промысле»¹³ при посланном туда приказчике Г. Д. Кекина. А потом Андриана привезли в Ростов, женили на крестьянской дочери из бывшей Квасоварной слободы Ульяне Алексеевне Дондиной. Их семья находилась в услужении при доме Григория Дмитриевича Кекина. После его смерти Андриан с семьей достался по разделу между сыновьями хозяина Василию Григорьевичу Кекину. В 1780 г. (год смерти хозяина) Андриан умер, его семью отпустили на свободу, а через два года его 15-летний сын Григорий Андрианов записался в ростовское мещанство¹⁴.

Из документов известно, что в 1758 г., также на товары, для Кекиных были выменены еще три мальчика-калмыка – Бурон, Судан, Кубея. У них вполне могла быть такая же судьба, как и у Григория – быть окрещенными, получить другие имена, обучиться грамоте и торговому делу¹⁵, жениться и жить в Ростове... Но о них сведений нет.

У Ивана Дмитриевича Кекина также был калмыцкий ребенок. Как и его собратья, он был выменен на товары, а потом привезен в Ростов, окрещен с именем Михаила, получил прозвание Якимов. Его женили на ростовской крестьянской дочери Аксины Федоровой. В 1769 г. хозяин отпустил своего калмыка вместе с семейством свободу. Около 1785 г. он умер, его вдова записалась в ростовское мещанство вместе с детьми¹⁶. Возможно, они только числились в Ростове, а жили где-то в другом месте – в Обывательской книге 1795 г. Аксины Федоровна, вдова, названа «вновь поселившейся» в Крестовоздвиженском приходе¹⁷.

По сохранившимся сведениям, калмыцких мальчиков приобретали не только Кекины. Так, в 1757 г. в той же Новотроицкой крепости купцом Яковом Кайдаловым на имя его тестя ростовского же купца Афанасия Щеткина у киргиз-кайсаков был выменен на товары зюнгарский калмык 8 лет, крещенный в дальнейшем Петром и получивший прозвание Дмитриев. В 1776 г. его отпустил на волю после смерти хозяина его сын Алексей Афанасьевич Щеткин. Будучи свободным, Петр Дмитриев женился на купеческой дочери Прасковье Афанасьевне Мякриной. В 1784 г. все семейство записалось в Ростовское мещанство, может быть, под фамилией Мякрины, хотя вполне возможно, что они сохранили и фамилию Дмитриевы¹⁸.

Калмык, имя которого по крещению стало Игнат, по прозвищу Васильев, разделил судьбу своих собратьев. Тот же Яков Кайдалов, служивший в приказчиках у Афанасия Щеткина, выменял его в Троицкой крепости

¹³ Там же. Л. 9 об.

¹⁴ Там же. Л. 10 об.

¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4, 5.

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1792. Л. 1–2 об.

¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 413.

¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1791. Л. 2–8.

в 1758 г., т.е. через год после Петра Дмитриева. В 1759 г. А. Щеткин отдал Игната Васильева Санкт-Петербургскому купцу Константину Иванову. Когда Иванов и его супруга умерли, Игнат Васильев формально стал свободным, но официально – нет. И тогда он подал прошение об освобождении в Государственную коллегию иностранных дел, откуда последовал Указ от 1772 г. сентября 31, который объявлял Игната свободным¹⁹. В 1784 г. он с женой Дарьей, происходившей из крестьян экономического ведомства и «выданной в замужество по отпускной из Спасского монастыря Песковской слободы» записался в ростовское мещанство, а для работы своей в Москве (он был «у питейных сборов») получил паспорт²⁰.

В 1740-х гг. в Ростове наряду с «калмычатами» стали появляться и «башкирчата»²¹.

Вполне возможно, что помимо названных и у других ростовских купцов служили крещеные калмыки и башкиры, но таких сведений нами не обнаружено. Мы не можем говорить и о точном количестве их, приведенных ко крещению. К сожалению, у нас нет данных, насколько широко это явление – приобретение детей башкир и калмыков, их крещение, воспитание – было распространено в России в конце XVIII в.

По непроверенным данным, в Ростове появившихся таким образом здесь инородцев селили компактно, выделяя им землю в районе улицы Спасской, но потом они все разбежались²². Так или иначе, а улица Спасская (современное название – Некрасовская) долгое время имела второе название, народное, неофициальное – «Калмыцкая». И до сих пор в Ростове бытует фамилия «Калмыковы».

Итак, благодаря сохранившимся документам мы можем говорить с уверенностью о восьми случаях приведения в православие восьми человек (шесть калмыков и два башкира), которые, будучи детьми, были приобретены ростовскими купцами. В их числе Г.Д., А.Д., И.Д. Кекины, А. Щеткин, Я.Л. Симанов, действовавшие как просветители – приобщая их, инородцев, к сокровищам православной культуры. А дети новокрещенцов становились полноправными российскими подданными, записываясь в мещанство и купечество Ростова, который был для них уже родным городом.

¹⁹ Там же. Л. 9–10.

²⁰ Там же. Л. 10.

²¹ *Крестьянинова Е. И.* Башкиры в Ростове конца XVIII – начала XIX века // Река времени. Уфа, 2015. Вып. 2. С. 51–61.

²² *Нечаев Н. [И.]* Ростовские фамилии // Ростовский гражданин. 1992. 16 мая.